

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466

Научная статья

Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке

Е.В. Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

 marinova@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью феномена сквозных сем в новообразованиях одного временного среза с точки зрения интерпретирующей функции русского языка. Цель – проанализировать такие семы, выявленные в семантической структуре неологизмов коронавирусной эпохи, и охарактеризовать фрагмент языковой картины мира в кризисный для него период. Материалом исследования является окказиональная лексика, зафиксированная в российской медиасфере и тематически связанная одной предметной областью – пандемией 2020 года. Источник исследования – «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (проект ИЛИ РАН). Исследование выполнено в русле социолингвистики с использованием методики компонентного анализа семантики, словообразовательного и контекстного анализов. В ходе исследования выделялись тематические подгруппы; в каждой подгруппе выявлялись номинации окказионального характера; определялись средства выражения оценки (производящие основы – для сложных слов, словообразовательные форманты – для аффиксальных дериватов) и устанавливалась общая интерпретирующая сема (с учетом контекстного значения слова). На последнем этапе определялось общее количество лексем, связанных той или иной семантической доминантой. Данные представлены в обобщающей таблице, демонстрирующей в процентном соотношении долю представленности и в то же время степень значимости самой семантической доминанты в процессе языкового кодирования фрагмента действительности. В результате выявлены семантические доминанты, объединяющие окказионализмы разных авторов и демонстрирующие типовые оценки ситуации, связанной с COVID-19; определена степень частотности семантических доминант. Новизна исследования обусловлена спецификой проведенного семантического анализа: впервые на значительном гомогенном массиве словообразовательных дериватов выявляются общие семы, отражающие особенности эмоционального и психологического состояния русскоязычного общества.

Ключевые слова: массовое словотворчество, семантические доминанты новообразований, интерпретирующая функция языка, языковое кодирование, языковая картина мира, кризисный период, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 16.01.2022; принята к печати 18.04.2022.

Для цитирования: Маринова Е.В. Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 449–466. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466>

© Маринова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В 2020 году стремительно, за нескольких месяцев, сформировалась лексика новой предметной области (обозначим эту область как «COVID-19»), что само по себе является свидетельством высокой степени ее актуальности. Феномен беспрецедентного массового словотворчества, сопровождавший период пандемии 2020 года, безусловно, не остается незамеченным лингвистами, в особенности специалистами, изучающими современные языковые процессы.

В центре внимания исследователей оказываются прежде всего формальные, структурные признаки словообразовательных неологизмов (по сути, окказионализмов), появившихся в указанный период. К таким признакам относят характерные для новых слов того времени: словообразовательные модели и способы (подавляющее большинство слов образованы сложением – *коронабоязнь*, *ковидоистерия* и т.п.) (Минеева, 2020); наиболее частотные производящие основы («системные компоненты»), представляющие собой основы ключевых слов «коронавирусной эпохи»: *ковид*, (*корона*)*вирус*, *карантин* и др. (Громенко и др., 2020); наиболее востребованные словообразовательные форманты, как то: *-бесия*, *-фобия* и др. (Ридецкая, 2021).

Отмечается также интернациональный характер «пандемии словотворчества» (Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова), основной функцией которого выступает людическая функция (Янурик, 2020). «Эпидемии страха», по мнению исследователей, противостояла «эпидемия смеха» (Kosmalska, 2020; Wolfer et al., 2020). В огромном массиве игровых номинаций исследователи выявляют как типичные для языковой игры деривационные модели и средства, так и нетипичные (образование глагола от топонима: *уханькатся*; новые аффиксоиды: *-демия*, *-демик*, *-френия* и др.) (Маринова, 2021: 326, 335). Предпринимаются попытки системно представить результат коллективного словотворчества в виде смысловых оппозиций (Зеленин, Буцева, 2021), тематических групп дериватов с общей производящей основой (Геккина, Кожевников, 2021) и т. п.

На наш взгляд, анализ всех этих важнейших лингвистических особенностей, объединяющих «короналексику», следует дополнить исследованием семантики входящих в нее слов, формируемой как особенностями их словообразовательной структуры, так и смысловой стороной порождающего их контекста в целом. При всем количественном и структурном многообразии неологизмов, созданных в 2020 году, их лексические значения содержат общие смысловые компоненты, связанные не только с пандемией и ее последствиями в жизни общества, что вполне естественно, но и с некоторыми типовыми оценками происходивших тогда событий.

Цель исследования – проанализировать общие семы (*семантические доминанты*), выявленные в содержательной структуре новообразований коронавирусной эпохи, и охарактеризовать фрагмент языковой картины мира в кризисный для него период.

Методы и материалы

Исследование выполнено в русле функциональной социолингвистики с использованием методики компонентного анализа семантики, словообразовательного и контекстного анализов, проводимых с опорой на толкование

лексического значения новообразований в лексикографическом издании «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее – Словарь)¹. Всего проанализировано свыше 3500 единиц, зафиксированных в рамках одного временного среза в российской медиасфере и тематически связанных одной предметной областью – пандемией 2020 года. Источник исследования – данные Словаря и личная коллекция автора.

В структурном отношении «коронавирусные» окказионализмы представляют собой словообразовательные дериваты: композиты, включая аналитические номинации типа *ковид-опасность*; монокорневые аффиксальные производные (*ковидиада*, *псевдокарантин*); контаминанты (*короника*), в том числе интернационального характера (*коронагеддон*). В некоторых случаях привлекались составные развернутые номинации, синонимичные однословным (как напр. *коронавирусный Армагеддон*). Подавляющее большинство новообразований выражают расчлененное понятие, имеют легко считываемую бинарную структуру; заметна мотивированность семантики неологизма особенностями его состава. Так проявляется стремление говорящих (авторов слов) к более точному, однозначному выражению своего отношения к ситуации, исключающему двусмысленность: расчлененная, двухчастная структура окказионализма репрезентирует сразу и объект оценивания, и саму оценку, являющуюся, как правило, следствием интерпретации этого объекта².

Элемент структуры окказиональной номинации, именуемый объектом оценки, представляет собой одно из ключевых слов вирусного периода: *ковид*, *коронавирус* (*корона*), *карантин*. Второй, *интерпретирующий элемент* – имя существительное, как правило с отрицательной коннотацией. Количественный состав таких интерпретирующих элементов – более 100 лексических единиц, в системе языка соотносящихся с денотатами разных предметных областей (ср. *афера*, *баран*, *бульон*, *качели*, *ловушка*, *макароны*, *мафия*, *миф*, *пугало*, *пепел*, *Харон*, *фейк* и др.); тем не менее можно говорить о некоторых общих смыслах этих интерпретирующих элементов, которые, с одной стороны, передают все разнообразные настроения россиян в сложившейся в 2020 году эпидситуации, с другой – отражают в этом «многоголосии» определенные *типовые* ее оценки.

В ходе исследования поэтапно проводились следующие исследовательские процедуры:

1) среди новой лексики ковидного периода выделялись тематические подгруппы; в каждой подгруппе выявлялись номинации (и их удельный вес) окказионального характера;

2) в словообразовательной структуре окказиональных новообразований определялись средства выражения оценки (производящие основы – для сложных слов и контаминантов; словообразовательные форманты – для аффиксальных дериватов);

3) устанавливалась общая оценочная, интерпретирующая сема (с учетом контекстного значения слова);

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

² Эта структурно-семантическая особенность окказионализмов ковидного периода на материале контаминантов (блендинга) в польском языке отмечается в (Kuligowska, 2020: 118).

4) определялось общее количество лексем, связанных той или иной семантической доминантой, что нашло отражение в обобщающей таблице, демонстрирующей в процентном соотношении долю представленности, а значит, и степень значимости самой семантической доминанты в процессе языкового кодирования фрагмента действительности в кризисный период.

Результаты

Представляем основные итоги исследования.

I. Выявлено 5 основных тематических групп (ТГ) «ковид»-лексики, включающих различные подгруппы (ТП)³.

II. В процессе анализа словообразовательной структуры обследуемых новообразований определены средства выражения семантических доминант, их «материальные носители».

Степень частотности семантических доминант в новообразованиях «ковидного» периода

№	Сема	Объем номинаций, %
1.	‘обман’	17
2.	‘ограничение свобод’	15
3.	‘психическое расстройство’	14
4.	‘испытание’	10
5.	‘чрезмерное обсуждение’	9,7
6.	‘гибельность’	7
7.	‘война’	6,6
8.	‘страх’	5,2
9.	‘искусственный характер’	5
10.	‘беспорядок’	4
11.	‘отсутствие здравого смысла’	3,5
12.	‘неопределенность’	3

III. На основе семантического сходства различных строевых элементов (производящих основ, словообразовательных аффиксов и аффиксоидов), с учетом целостного контекстного значения неологизмов, были выявлены *семантические доминанты* (всего 12), объединяющие окказионализмы разных авторов и демонстрирующие типовые оценки ситуации, связанной с COVID-19. Такими доминантами являются: ‘беспорядок’, ‘война’, ‘гибельность’, ‘искусственный характер’, ‘испытание’, ‘неопределенность’, ‘обман’, ‘ограничение свобод’, ‘отсутствие здравого смысла’, ‘психическое расстройство’, ‘страх’, ‘чрезмерное обсуждение’.

IV. На последнем этапе исследования на основе количественных данных была определена степень частотности семантических доминант (таблица).

Обсуждение

I. Рассмотрим тематический состав новообразований 2020 года. Ниже приводится список ТГ, который включает, наряду с подгруппами, количественные данные, необходимые для проведения исследования, а именно: ко-

³ Безусловно, классификация «ковид»-лексики, предложенная нами, не претендует на абсолютный характер, однако в основных чертах согласуется с тематической классификацией подобной лексики в других языках, например французском, польском, чешском (Belhaj, 2020; Cierpich-Kozielef, 2020; Поляков, 2021).

личество единиц в каждой ТП (в процентах) и количество неофициальных, окказиональных номинаций в каждой ТП (в процентах от общего количества единиц в данной ТП). Последний показатель представляется нам релевантным, поскольку та или иная подгруппа может содержать и новообразования, являющиеся вполне официальными лексическими единицами, вошедшими в узус (*ковид*, *ковидный*, *антиковидный*, *антикоронавирусный* и т. п.). В то же время отдельные ТП преимущественно или полностью состоят из неузуальных лексем, которые и стали объектом настоящего исследования. См.:

ТГ 1. «**Вирус, вызвавший пандемию. Заболевание**». В эту группу входят: номинации вируса (ТП 1.1 – 2,8 %), обозначения заболевания, его разновидностей и последствий (ТП 1.2 – 5,1 %), номинации действий, обозначающих заражение вирусом и болезнь (ТП 1.3 – 1,7 %), номинации лиц (больных, зараженных) (ТП 1.4 – 1,7 %).

Количество окказионализмов: ТП 1.1 – 94 %, ТП 1.2 – 81,5 %, ТП 1.3 – 100 %, ТП 1.4 – 70 %.

ТГ 2. «**Медицинские меры по борьбе с болезнью и заражением**». Эта ТГ включает: названия профилактических и терапевтических мер (ТП 2.1 – 3 %), наименования медицинских учреждений (ТП 2.2 – 3,4 %), наименования профилактических средств защиты (ТП 2.3 – 1,5 %), наименования вакцины и вакцинации (ТП 2.4 – 1,1 %), наименования лечебных средств и методик диагностики (ТП 2.5 – 2,8 %), номинации лиц по их участию/неучастию в борьбе с болезнью и заражением (ТП 2.6 – 2,1 %).

Количество окказионализмов: ТП 2.1 – 72 %, ТП 2.2 – 28 %, ТП 2.3 – 20 %, ТП 2.4 – 64 %, ТП 2.5 – 27 %, ТП 2.6 – 84 %.

ТГ 3. «**Пандемия**». Эта ТГ представлена следующими подгруппами: общие наименования явления (ТП 3.1 – 2 %), обозначения понятий, связанных с распространением инфекции (ТП 3.2 – 5,3 %), обозначения периода, связанного/не связанного с пандемией (ТП 3.3 – 2,8 %), наименования лиц с точки зрения распространения инфекции (ТП 3.4 – 0,6 %).

Количество окказионализмов: ТП 3.1 – 89 %, ТП 3.2 – 80 %, ТП 3.3 – 88 %, ТП 3.4 – 67 %.

ТГ 4. «**Режим ограничений**». В эту группу входят: общие наименования режима самоизоляции и ограничений (ТП 4.1 – 10,8 %), номинации действий, обозначающих соблюдение/нарушение режима (ТП 4.2 – 1,1 %), обозначения оценки ситуации в целом (ТП 4.3 – 8,4 %), обозначения идеологических расхождений сторонников ограничительных мер и их противников (ТП 4.4 – 0,9 %), обозначения последствий режима в жизни общества (ТП 4.5 – 2,8 %), номинации лиц по их отношению к режиму (ТП 4.6 – 7,4 %).

Количество окказионализмов: ТП 4.1 – 88 %, ТП 4.2 – 100 %, ТП 4.3 – 100 %, ТП 4.4 – 83 %, ТП 4.5 – 88 %, ТП 4.6 – 100 %.

ТГ 5. «**Образ жизни в коронавирусный период**». К этой ТГ относятся: обозначения явлений, вызванных режимом ограничения, в быту (ТП 5.1 – 8,7 %), обозначения новых явлений в сфере бизнеса и экономики (ТП 5.2 – 6,7 %), обозначения новых явлений в политической сфере (ТП 5.3 – 1,1 %), обозначения новых явлений в сфере образования (ТП 5.4 – 3 %), обозначение

ния реалий и условий «жизни онлайн» (ТП 5.5 – 10,5 %), наименования лиц по их образу жизни, поведению в вирусный период (ТП 5.6 – 2 %).

Количество окказионализмов: ТП 5.1 – 99 %, ТП 5.2 – 93 %, ТП 5.3 – 100 %, ТП 5.4 – 36 %, ТП 5.5 – 78 %, ТП 5.6 – 100 %.

В целом количество неофициальных номинаций (80 %) превышает количество официальных примерно в 4 раза (подробнее об интерпретации такого соотношения см. в (Маринова, 2021: 335)), причем некоторые ТП полностью представлены номинациями, не имеющими официального характера, окказиональными по природе – в частности подгруппа, включающая обозначения обшей *оценки ситуации*, связанной с COVID-19 и эпидограничениями (ТП 4.3).

II. С точки зрения словообразовательной структуры обследованные новообразования, как же говорилось, представляют собой как монокорневые, так и поликорневые дериваты. В составе последних (это композиты, контаминанты и другие игровые номинации, образованные от двух производящих основ) средством выражения смысловой доминанты является одна из основ, причем та, которая семантически не связана с пандемией напрямую; ср., например, *фейк* и *фейковир*, *инфейкция* (сема ‘обман’); *Харон* и *хароновир* (сема ‘гибельность’); *качели* и *карантин-качели* (сема ‘неопределенность’) т. п. В составе окказионализма такая основа (интерпретирующий элемент) реализует либо прямое значение производящего слова, как напр. *Катастрофа* в составе оценочной номинации *ковид-катастрофа*, либо переносное. Так, в новообразованиях *коронапокалипсис*, *Коронаармагеддон*, *коронаЧернобыль* производящие основы, следующие за начальным компонентом, отсылают к переносным, символическим значениям лексем, выражающих ту же идею, что и слово *катастрофа* (*Апокалипсис*, *Армагеддон*, *Чернобыль*).

В некоторых случаях связь между основной идеей, заложенной в окказионализме, и выбором интерпретирующего элемента для его создания оказывается ассоциативной. К примеру, композит *ковид-пепел* выражает ту же эсхатологическую идею, что и приведенные выше новообразования, что стало возможным, видимо, благодаря метонимическому переносу (действие → результат действия). В основе образа – ассоциация с тем, что разрушительные процессы во время пандемии коронавирусной инфекции мало что оставят после себя, подобно тому, как после катастрофы остается только пепел.

Возможны и не столь мрачные ассоциации. Напр., зафиксированное в Словаре наименование *макароновир* ‘о коронавирусе как о чем-то вымышленном, уловке’ отсылает к устойчивому выражению *лапшу на уши вешать*; путем так называемого семантического вовлечения (Ю.С. Сорокин) слово *макароны*, относящееся к той же тематической группе, что и *лапша*, осмысливается в том же самом смысловом поле – обмана. Ср. также ряд пренебрежительных слов *барановир*, *барановирник*, *барановирусный*, в которых сему обмана выражает грубая зоометафора *баран* ‘глупый человек, который помыкают’ (синоним этого слова в арго – *лох*, отсюда *лохопандемия*).

Наряду с производящими основами разнообразных в тематическом отношении лексем русского языка, средством выражения семантической доминанты могут быть словообразовательные аффиксы и аффиксоиды. Так, сема ‘обман, ненастоящность’, выражаемая основами таких слов, как *фейк*, *фудло*,

шарлатанство и т. п., содержится в семантике префиксов *квази-*, *псевдо-* (*псевдокоронавирус*, *квазикарантин*); сему ‘испытание’ выражает суффикс *-иад(а)* – ср. тот же смысл в композите *ковид-эпопея*; сему ‘неопределенность’ – морфемы *недо-*, *полу-* (*недокарантин*, *полукарантин*); сему ‘ограничение свобод’ – аффиксоиды *-крати(я)* (*ковидократия*), *-цид* (< *геноцид*) – *карантинцид*. Семантикой аффиксоидов: *-френи(я)*, *-френик*, *психо-* задана одна из часто реализуемых в «ковид»-неологизмах сем – ‘психическое расстройство’ (*ковидофрения*, *коронафреник*, *психовирус*) – ср. ту же сему в производящих словах (*ковид-паника*, *коронапсихоз*, *коронашизофрения* и др.).

III. Во всем массиве новообразований 2020 г. семантические доминанты имеют характер *сквозных, общих сем*, организующих «ковид»-лексику наряду с ее ключевыми словами, служащими производящей базой для дериватов всех без исключения ТП (*ковид*, *корона*, *карантин*, *пандемия*, *вирус*, *вакцина* и др.).

Об этом можно судить по тому, что одна и та же смысловая доминанта объединяет окказионализмы разных ТП. Так, сема ‘психическое расстройство’ содержится в семантике номинаций вируса (ТП 1.1) и самой болезни (ТП 1.2) – *зомбовирус*, *психовирус*, *ковидо-невроз*, *паникодемия*, *психопандемия*, а также в семантике номинаций лиц (ТП 1.4): *короназомби*, *коронапаникер* и др. «Эсхатологическая» сема актуализируется в неофициальных номинациях пандемии (ТП 3.1): *корона-катастрофа*, *ковид-трагедия*, *коронавирус-трагедия*; экономического кризиса, вызванного пандемией (ТП 5.2): *ковидо-коллапс*; ернически обыгрывается в выражении *тележка апокалипсиса* (о продуктовой тележке) (ТП 5.1); см. также одно из неофициальных названий самого вируса (ТП 1.1): *хароновирус*.

IV. Обратимся к анализу выявленных семантических доминант.

Наиболее частотная сема – (1) ‘**обман**’ – содержится в значениях индивидуально-авторских слов, выражающих общую оценку ситуации 2020 года и ее разнообразным последствиям (ТП 4.3): *ковидафера*, *корона-афера*, *корона-ловушка*, *ковидомафия*, *ковид-миф*, *корона-миф*, *фуфло-карантин*, *коронашуглерство*, *QR-шарлатанство* и др. В зоне толкования этих и подобных слов в Словаре содержится ремарка «в речи ковид-диссидентов». Однако, как показывают наши наблюдения, сфера употребления некоторых из этих лексем шире: ее можно охарактеризовать как любой медийный дискурс, содержащий анализ, интерпретацию или/и оценку событий. См., напр., заголовок статьи, размещенной на портале агентства аналитической информации «Русь православная»: *Разоблачение ковидаферы: глава Росздравнадзора подтвердила ложность стат. данных по смертности от COVID-19⁴* (здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранена. – Е.М.).

Номинации с семой ‘обман’, помимо ТП «Общая оценка ситуации», зафиксированы и в других группах, что свидетельствует о ее «сквозном» характере: как ситуация с пандемией в целом, так и отдельные реалии, понятия, объекты, связанные с ней, воспринимались нередко с недоверием или даже полным неверием, с ощущением массового обмана, дезинформации и т.п. Отсюда смысловая доминанта ‘обман’ в таких ТП, как наименования

⁴ Rusprav.tv. 2020, 9 сентября.

вируса (ТП 1.1): *фейковирус, коронафейк, фуфлоковид, фуфловирус, фуфловир, макаронвирус, псевдокоронавирус, барановирус*; обозначение заболевания (ТП 1.2): *коронавирусная инфекция*; наименование вакцины (ТП 2.4): *фуфло-прививка, фуфло-вакцина*; наименования лечебных средств (ТП 2.5): *фуфлофероны, фуфлофалиновая мазь, фуфло-таблетки, фуфломицин, фуфломицинка*; номинации лиц по их участию/неучастию в борьбе с болезнью и заражением (ТП 2.6): *фуфломицицик, фуфлодемик*; наименования пандемии (ТП 3.1): *фейкопидемия, фейкодемия, фуфлопандемия, фуфлопидемия, фуфлоэпидемия, фуфлодемия, псевдоэпидемия, псевдопандемия, псевдоэпидемическая вакханалия, лохопандемия*; номинации лиц по их отношению к режиму ограничений (ТП 4.6): *барановирусник*⁵.

Идея «намеренного обмана населения в корыстных целях», активно муссируемая в 2020 году в различных СМИ и еще активнее – в неформальной сетевой коммуникации, несмотря на предупреждение со стороны высших органов власти России наказывать лиц, распространяющих подобное⁶, передается и составными наименованиями, см.: **Ковидная мафия: кто зарабатывает на нашем нездоровье**⁷; **О ковидной афере (почему нас держат за дурачков)** (название форума⁸) и т.п. Можно заметить, что опорные компоненты составных наименований и интерпретирующие элементы однословных наименований совпадают – ср. *ковидная мафия* и *ковид-мафия*; *ковидная афера* – ср. *ковидафера, корона-афера* и под. Именно за счет семантики этих лексем, имеющих сему ‘обман’ в своих прямых значениях (*афера, фейк, шарлатанство, шулерство* и др.) или вторичных, производных, нередко некодифицированных значениях (*ловушка, мафия, миф, фуфло* – в арго ‘обман’), передается отношение автора текста к ситуации и ее участникам (недоверие, скепсис и под.).

Наибольшую активность в качестве «строительных» элементов новых номинаций проявили слова *фуфло* (в составе 16 окказионализмов) и *фейк* (в составе семи окказионализмов). Активность этих лексем в качестве производящих баз («системных компонентов сложных слов») отмечается и в (Козырев, Черняк, 2021: 217). Первое из них – вулгаризм, довольно сильно заряженный отрицательной энергией из-за своего низкого происхождения – выражают идею обмана в составе окказионализмов в резкой, агрессивной форме. Пренебрежительно, хотя и не так грубо звучат новообразования с компонентом *фейк*. Когда-то узко сетевое слово, в последние приблизительно пять лет *фейк* и его производное *фейковый* вышли за пределы среды, их породившей, в медийный, в том числе политический дискурс. По-видимому, объясняется это не только постоянным «запросом» публичной сферы коммуникации на новые слова и экспрессивные средства, но и востребованностью в номинациях, имеющих такие черты эпохи постправды, как искажение факта, неискренность,

⁵ Далее (в анализе других сем) для компактности изложения мы будем ограничиваться только указанием на номер ТП.

⁶ Подробнее об этом см.: Верховный суд разъяснил порядок привлечения к уголовной ответственности за фейки о коронавирусе // Стопкоронавирус.рф. 2020, 27 апреля.

⁷ Tsargrad.tv. 2021, 13 июля.

⁸ Yaplakal.com. 2021, 25 октября.

неподлинность, подмена понятий, симуляция, дефицит правды и т. п. Неслучайно в современной общественно-политической лексике сформировался богатый пласт слов с семантикой обмана (более 50 из них зафиксировано нами в печатных СМИ в качестве синонимов к *фейк* (Маринова, 2022: 110)). Ковид-неологизмы с семантикой неправды вписываются в общее семантическое поле, выражающее идею массового информационного обмана.

Сема (2) **‘ограничение свобод’**, по нашим данным, следующая после лидирующей семы обмана. Она содержится в семантике таких новообразований, как *ковид-бюрократизм*, *ковид-геноцид*, *карантин-заточение*, *карантин-концлагерь*, *ковидо-гетто*, *корона-диктатура*, *корона-коммунизм*, *коронаперегиб*, *коронаслежка*, *ковид-террор*, *ковид-тоталитаризм*, *корона-тоталитаризм*, *ковид-фашизм*, *корона-фашизм*, *коронафедерализм*, *карантинно-хунта*, *коронацарство*, *коронаэкстремизм* (ТП 4.3), *корона-диктатор* (ТП 2.6), *корона-джихад* (ТП 3.1), *ковид-терроризм* (ТП 3.2), *COVID-террорист*, *корона-террорист* (ТП 3.4), *коронаэкстремист* (ТП 4.6) и др.

Как видим, сема **‘ограничение свобод’** объединяет лексемы разных ТП – от характеристики ситуации в целом (прежде всего имеются в виду официальные ограничительные меры) до обозначений лиц. Средством выражения этой семантической доминанты служит преимущественно политическая лексика – слова, именующие различные, чаще тоталитарные, режимы, репрессивные меры, массовые насильственные действия и т.п. См.: *бюрократизм*, *геноцид*, *гетто*, *диктатура*, *заточение*, *концлагерь*, *перегиб(ы)*, *слежка*, *террор*, *тоталитаризм*, *фашизм*, *федерализм*, *хунта*, *экстремизм* и др. Кроме того, средством выражения семы в некоторых лексемах являются суффиксоиды, как в словах *ковидоцид*, *карантиноцид* (ср. *геноцид*), *коронакост*, *карантинкост*, *пфайзерокост*⁹ (ср. *холокост*), а также *ковидократия*, *пандемиократия* и т. п.

Сема (3) **‘психическое расстройство’** является общей для множества созданных в ковидный период сложений на базе существительных, именующих нездоровое, неустойчивое психическое состояние или даже заболевание (*бред*, *безумие*, *депрессия*, *истерика*, *истерия*, *невроз*, *паранойя*, *психоз*, *стресс*, *шизофрения*, *шок* и др.). Семантика этих медицинских терминов в составе новообразований детерминологизируется; на первый план выдвигается такой семантический компонент, как отклонение от нормального психического поведения, состояния в период пандемии и режима ограничений; отсутствие трезвого, взвешенного подхода к создавшейся проблеме вследствие страха, неопределенности и т.п. См.: *ковидо-невроз*, *коронастресс*, *ковидошок*, *коронашок* (ТП 1.2), *ковид-безумие*, *ковидло-безумие*, *корона-безумие*, *ковид-бред*, *коронабред*, *корона-депрессия*, *корона-истерика*, *ковид-истерика*, *корона-истерия*, *ковид-истерия*, *коронавирус-истерия*, *карантиноистерия*, *коронайя*, *ковидопсихоз*, *коронапсихоз*, *карантинопсихоз*, *коронашизофрения*, *коронашиза* (ТП 4.3).

Средствами выражения рассматриваемой семантической доминанты выступают и аффиксоиды: префиксоид *психо-*, напр., использован в обозначения самого вируса COVID-19 и пандемии – *психовирус*, *психокоронавирус*,

⁹ От названия вакцины американской компании Pfizer.

психопандемия; суффиксоиды *-френия* и *френик* («осколки» от *шизофрения*, *шизофреник*) – в словах *коронафрения*, *ковидофрения* (ТП 4.3), *коронафреник*, *ковидофреник* (ТП 4.6).

Наряду с терминами психиатрии, в качестве производящих используются слова близкой семантики: *ковид-тревога* (ТП 1.2), *ковид-настороженность* (ТП 4.3), также передающие идею беспокойного эмоционального состояния. Актуальной становится и сема, отражающая болезненную привязанность к чему-либо (напр. к обсуждению тем, связанных с пандемией), подверженность влиянию (массовой панике и т.п.), что передается такими новообразованиями, как *зомбовирус* (ТП 1.1), *ковидомания*, *коронамания* (ТП 4.3), *ковидозависимость* (ТП 4.5), *гречкомания* (ТП 5.1), *короназомби* (ТП 4.6), *зумби* – о людях, одержимых общением через Zoom (ТП 5.6) и др.

Сема (4) **‘испытание’** – так мы назвали следующую семантическую доминанту, отражающую особенности восприятия событий 2020 года россиянами. Один из неологизмов содержит слово, ставшее названием семы (*ковид-испытание*); оно представляет собой обозначение родового понятия, объединяющего различные виды жизненных трудностей, невзгод, тяжелых переживаний и потерь (ср. также *коронабедствие*, *мировая корона-напасть*).

Так, трудности в экономическо-финансовой сфере интерпретировались как кризис, форс-мажор; отсюда (*финансовый*) *коронакризис*, *коронавирус-кризис*, *вирусокризис* *вирусмажорные обстоятельства*, *коронамический* (ср. *экономический*) *кризис*, *пандемийно-нефтяной кризис*, *ковидно-валютный кризис* (ТП 5.2). Некоторые семантически близкие к приведенным словам окказионализмы уточняют специфику кризиса: застой, сокращение товарно-денежного оборота, отсутствие перспектив для бизнеса и т. п. – с помощью метафорически переосмысленных узуальных слов: *корона-блокировка*, *ковид-спячка*, *карантиностояние*, *корона-тоннель* и др.

Подобным образом характеризовались и вся ситуация с пандемией в целом – *ковид-кризис*, *ковидло-кризис*, *карантинокризис*, *карантино-экстрим* (ТП 4.3) – и ее различные *карантинно-экстремальные* последствия. Один из образов, связанных с осмыслением происходящих тогда событий, – образ тяжелейших длительных испытаний, наподобие тех, которые стали предметом изображения в мировом эпосе. Так появились *ковид-эпопея*, *коронаэпопея*, *коронавирусно-кризисная эпопея*; ср. также: *ковидиада* (аллюзия на эпос Гомера «Илиада»). Актуальной также оказалась метафора природной стихии; см., например, заголовок: *В воронке коронашторма*¹⁰, а также *коронастихия*, *корона-ураган*, *коронатрясение* (ср. *землетрясение*) и др.

Сема (5) **‘чрезмерное обсуждение’** реализуется в «ковид»-словах, семантика которых – своеобразное отражение идеи излишнего, избыточного информационного «шума», захватившего почти полностью медийный дискурс, в связи с кризисными событиями в мире. В романе В. Пелевина, вышедшем летом 2020 года, эта идея иронично подана в толковании ковида одним из героев: «Это плохой грипп с хорошим пиаром»¹¹. И действительно,

¹⁰ Interfax.Ru. 2020, 13 апреля.

¹¹ Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М. : Эксмо, 2020. С. 695. Подобное ироничное отношение к новой инфекции отражает и английское сленговое выражение, ставшее мемом:

медийный дискурс «ковидного» периода отмечен своего рода «одержимостью» этой темой в материалах журналистов и блогеров, да и массовое сознание в основном было захвачено размышлениями и переживаниями по поводу пандемии коронавируса COVID-19 и ее последствий. И то и другое проявление чрезмерного интереса к пандемии становится объектом рефлексии самих журналистов: *Маховик пандемииобесия раскручивается и растет как раковая опухоль. Пропаганда сейчас включила посев паники и нетерпимости...*¹²; *СМИ раздувают ковидоманию...*¹³ и под.

Негативная реакция на своего рода одержимость ковидной темой нашла отражение во множестве неологизмов. В их создании был использован арсенал как давно устоявшихся в языке средств (*ажитаж, бум, лихорадка, сенсация, скандал, шум* и др.), так и средств новых (*хайп*). Вот далеко не полный список самих новообразований: *корона-ажитаж, корона-бум, карантинный бум, локдаун-бум, корона-лихорадка, ковид-сенсация, ковид-скандал, коронаскандал, коронахайп, коронашум* (ТП 4.3), *ZOOM-бум* (ТП 5.5) и т. п. См. также неологизм-заимствование *инфодемия* (< англ. *infodemic*), используемый, как правило, с определением *массовая, – о чрезмерно активном* распространении информации о коронавирусной инфекции, нередко непроверенной, недостоверной.

Конкуренцию названным интерпретирующим лексемам (от *ажитажа* до *хайпа*) составил, однако, аффиксоид *-беси(е)* (и его пара *-бес* в личных существительных), присоединяемый к основам ключевых слов «текущего момента»: *ковидобесие, коронавирусобесие, вирусобесие, коронабесие, карантинобесие* (ТП 4.3), *карантинобес, корона-бес(ик), ковидобесы, вирусобес* (ТП 4.6), *вакцинобесие* (ТП 2.4) и др. В составе слов ковидной тематики аффиксоид *-беси(е)* может подчеркивать разные смысловые оттенки: от чрезмерной увлеченности обсуждением новостей, слухов и т. п., связанных с пандемией (*вертолетобесие* – о шумихе вокруг так наз. «вертолетных» выплат), до почти агрессивной, фанатичной одержимости по отношению к различного рода профилактическим мерам и средствам (*перчаткобесие, маскобесие*). Синкретичность семантики форманта *-бесие* отмечается также в (Дягилева, 2021: 317–318).

Сема (б) **‘гибельность’** сформировалась как устойчивая смысловая доминанта в результате восприятия ситуации, связанной с распространением ковида и введением ограничений, как трагически опасной для человечества, грозящей масштабной катастрофой, что реализуется с помощью производящих лексем *апокалипсис, постапокалипсис, Армагеддон, катастрофа, коллапс* ‘тяжелый кризис, грозящий крахом государства’ (БТС¹⁴), *крах, пепел, трагедия* и др., использованных в качестве строевых элементов неологизмов, и поддерживается общим контекстом фразы. См.: *Нужно, чтобы мир, словно Феникс, восстал*

It's just the flu bro (Thorne, 2020) – «Это всего лишь грипп, братан» (Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. URL : <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-goes-viral> (accessed : 10.11.2020)).

¹² Яблоко. Волгоградская область. 2020, 17 октября.

¹³ Смоленская правда. 2020, 16 мая.

¹⁴ Большой толковый словарь. URL : <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%B4%D0%BE%D0%BD&all=x> (дата обращения : 19.08.2021).

из «**ковид-пепла**», и политики снова открыли границы¹⁵. Вот список самих номинаций, объединенных этой «эсхатологической» семьей: *ковид-апокалипсис*, *коронавирус-апокалипсис*, *карантиноапокалипсис*, *коронаармагеддон*, *ковид-катастрофа*, *корона-крах* (ТП 4.3), *хароноввирус*, *апокалиптический вирус* (ТП 1.1), *коронаопасность* (ТП 1.2), *корона-катастрофа*, *ковид-трагедия*, *коронаЧернобыль*¹⁶ (ТП 3.1), *ковидоопасность* (ТП 3.2), *пост-COVID-апокалипсис*, *постковидный зомби-апокалипсис* (ТП 3.3), *ковид-коллапс* (ТП 5.2) и др. Следует отметить интернациональный характер некоторых лексем, напр. *коронаапокалипсис* (< англ. *coronapocalypse*), *коронакалипсис* (< англ. *coronacalypse*), *коронагеддон* (< англ. *coronageddon*) (Alyeksyeyeva et al., 2020: 205). На русской почве эти контаминанты становятся своеобразным образцом для различных структурных вариаций наименования (ср.: *коронаапокалипсис* и *корона-апокалипсис/коронаапокалипсис*; *коронакалипсис* и *ковидокалипсис*).

Сема (7) '**война**' объединяет группу окказионализмов, передающих отношение говорящих к сложившимся в пандемию обстоятельствам как к столкновению с опасным, смертельным врагом, от которого надо защищаться и которому нужно дать отпор. Отсюда такие номинации, как *корона-война*, *ковидоносная война* (ср. *победоносная*), *ковид-осада*, *ковид-фронт*, *коронафронт* (ТП 4.3), *ковид-враг*, *коронаобразный враг*, *ковид-войска*, *корона-разрушитель* (ТП 1.1), *корона-Гитлер* (ТП 1.2), *COVID-маршал*, *корона-генерал*, *ковид-солдаты* (ТП 2.6), *ковид-угроза*, *коронаугроза*, *коронавирус-угроза*, *коронаатака*, *ковид-удар*, *коронаудар* (ТП 3.1), *ковид-бастион*, *ковид-войска*, *коронапобеда*, *ковид-подкрепление*, *ковид-сопротивление* (ТП 3.2), *ковид-подполье* (ТП 4.4) и др. В этих и подобных обозначениях реализуется метафора войны, без которой не обходится ни один политический дискурс (Баранов, Караулов, 1994; Flusberg et al., 2018; Чудинов, 2001), однако на этот раз образ врага связан не с какой-то политической силой, которой нужно противостоять, а с болезнью, инфекцией¹⁷ (Балашова, 2020; Козловская, 2021). В то же время сфера реализации метафоры войны расширяется за счет контекстов, отражающих противостояние внутри общества (между «скептиками» и «сидидомовцами», «антимасочниками-бесперчаточниками» и «маскерами» и т. п.). Отсюда выражение *масочные войны* (*битвы*, *баталии*). Но, пожалуй, самым неожиданным оказывается этот же образ – жесткого столкновения и противоборства – в дискурсе, посвященном разработкам вакцины в разных странах, например: *Война вакцин ведется все больше на фронтах политических, информационных...*¹⁸. См. также *вакцинная война*, *гонка вакцин* (ср. *гонка вооружения*).

Сема (8) '**страх**' в неологизмах ковидного периода, если говорить о сложениях, задана семантикой таких интерпретирующих элементов, которые в системе языка являются прямыми обозначениями этого состояния че-

¹⁵ Tilzit.info. 2020, 13 октября.

¹⁶ Ср. тот же образ в метафорической номинации *China's Chernobyl*, использованной в британской прессе (Nerlich В. Metaphors in the time of coronavirus. URL : <https://blogs.nottingham.ac.uk/makingsciencepublic/2020/03/17/metaphors-in-the-time-of-coronavirus> (дата обращения : 10.10.2020)).

¹⁷ Pong В. How we experience pandemic time. URL : <https://blog.oup.com/2020/07/how-to-experience-pandemic-time/> (дата обращения : 19.11.2020).

¹⁸ Новости России. 2020, 29 ноября.

ловека: *боязнь, кошмар, паника, страсть* (разг. ‘ужас, страх’ (БТС)), *ужас*. В это же семантическое поле входят слова *триллер* (*перен.* – о том, что вызывает чувство страха), *старуха* (*перен.* – о смерти как источнике страха), а также аффиксоид *-фобия*, вновь оказавшийся востребованным в ситуации с инфекционной эпидемией (сложение *холерофобия* исследователи отмечают уже в XIX в. (Дягилева, 2021: 310)).

В большинстве случаев названные средства активно использовались для обозначения (и характеристики) ситуации с пандемией в целом, см.: *карантинобоязнь, ковид-кошмар, коронакошмар, паникодемия* (*фейковируса*), *ковид-паника, ковид-паникерство, коронапаника, карантинопаника, ковид-старуха, ковид-страсти, коронастрасти, ковид-триллер, коронатриллер, ковид-ужас, корона-ужас, ковидофобия, коронафобия, пандемиофобия* и др. (ТП 4.3). Для обозначения лиц, подверженных разного рода страхам и фобиям (от боязни не носить маски до боязни носить ее), активизировалось слово *паникер(ы)*, см.: *коронапаникеры* (ср. также *коронабесные паникеры*), *ковид-паникеры* (ТП 4.6), *набор паникера* (ТП 5.1); частотным оказался и формант *-фоб(ы)*: *вакцинофоб, маскофоб* (ТП 2.6), *коронафобы, ковидофоб* (ТП 4.6) и т. п.

Окказиональные лексемы с рассматриваемой семантической доминантой обнаружены также среди многочисленных (более 60) обозначений самого коронавируса COVID-19, причем средства выражения семы-доминанты иные по сравнению с новообразованиями в других ТП: *пугаловирус, коронамонстр, короначудовище, коронадьявол*. Эти номинации демонстрируют своеобразную, имеющую несколько преувеличенный характер персонификацию и даже демонизацию внушающего страх вируса.

Сема (9) **‘искусственный характер’** содержательно близка самой частотной семантической доминанте – семе обмана. Во всяком случае, номинации, содержащие сему ‘искусственность’, отражают представления, вполне логично вытекающие из убеждений определенной части россиян в массовом обмане, масштабной манипуляции посредством всего, что связано с пандемией – от появления самого коронавируса COVID-19 (*корона-игра, коронаквест, коронаспектакль, коронашоу, коронавирус-шоу*) до введения режима ограничений (*карантиноцирк*) и разработки антиковидной вакцины (*заговор вакцинаторов*). Интерпретирующие элементы в составе композитов в большинстве своем тематически однородны – это термины сферы искусства, имеющие, однако, давнюю традицию использования их в общественно-политическом дискурсе переносно и неодобрительно (см. *спектакль, цирк, шоу* и под. – так наз. театральные метафоры или, шире, метафоры игры).

К этой же группе окказионализмов мы отнесли номинации *ковид-заговор, короназаговор, коронакоалиция* и под., отражающие весьма популярную интерпретацию событий 2020 года в духе теории заговора. Кроме того, стоит упомянуть здесь интернационализм *пландемия* (< англ. *Plandemic* – название документального фильма Д. Мартина и Дж. Миковитса). В русскоязычном и других дискурсах слово, обозначая пандемию, за счет интерпретирующего элемента *план-/plan-* («пандемия согласно плану, запланированная») выражает ее отрицательную оценку, объясняя происходящее мировым заговором заинтересованных бизнес-элит. См., напр.: *Все это происходит на фоне*

*фальшивой пандемии Covid-19 и во время борьбы между фракциями, которые просто хотят контролировать человечество, с фракциями, которые хотят убить большинство из нас...*¹⁹ (выделенное словосочетание – один из многочисленных примеров связи двух семантических доминант: ‘искусственный характер’ и ‘обман’).

Сема (10) ‘**беспорядок**’ выражена прежде всего в тех номинациях, в составе которых есть узуальные обозначения отсутствия порядка. Это сниженное *бардак* и, напротив, книжное слово *хаос*, вторичное значение которого – ‘крайний беспорядок’ (БТС). Ощущение того, что в период пандемии нарушился естественный, привычный порядок вещей, породило такие номинации, как *ковид-хаос*, *ковидло-хаос*, *коронахаос*, *коронавирус-хаос*, *ковид-бардак* (ТП 4.3), *карантинно-экономический бардак* (ТП 5.2); *пандемийно-расовый хаос* (ТП 5.3); ср. также *коронавасия* (от *катавасия* – разг. ‘суматоха, суета, беспорядок’ (БТС)).

Для передачи этой идеи в качестве производящих использовались и другие существительные, семантика и особенности употребления которых ассоциировались у авторов новых слов с ситуацией массового общественного беспорядка – см.: *бульон*, *Майдан*, *революция*, *турбулентность* (от *турбулентный* ‘характеризующийся неупорядоченным, хаотическим движением’ (БТС)) и др. Их значения метафорически переосмыслены в составе композитов *COVID-бульон*, *коронавирус-майдан*, *коронатурбулентность*. См., напр.: *Washington Post* пишет о возможном голоде, напоминая результаты эпидемии 1918 г.; об этом же говорит *The Guardian*, добавляя в *Covid-бульон* еще и безработицу...²⁰; **Корона-революция**: *офисный планктон дрейфует на дом. Однако многомесячный опыт карантина... может полностью перевернуть представления об офисной работе*²¹.

Сема (11) ‘**отсутствие здравого смысла**’ наиболее отчетливо проявляется в композитах и составных номинациях, включающих слова *абсурд*, *глупость*, *маразм* (перен. о глупости, абсурдности чего-л.): *ковидоабсурд*, *коронаглупость*, *карантинобесные глупости*, *коронамаразм* (ТП 4.3). Эти окказионализмы передают в довольно экспрессивной форме (см. также *коронадурка* с арготическим словом в составе) неприятие ситуации с пандемией, характерное, скорее, для ковид-диссидентства. Эта же идея в некоторых контекстах выражалась и соответствующими узуальными лексемами, самым популярным из которых было, пожалуй, слово *идиотизм*. Например: *Зачем нам нацупывать сценарии будущего, когда нам надо просто остановить этот идиотизм сейчас и жить дальше, так, как это было еще месяц назад... Боимся умереть от коронавируса и не боимся коронадурки*²². Оно же, наряду с однокоренными *идиот* и *идиотство*, вошло в состав многочисленных образований, негативно характеризующих особенности поведения людей в период пандемии (*ковид-идиотизм*, *корона-идиотизм*, *ковидиотство* и др.), а также самих лиц, отличающихся неадекватным, безрассудным поведением с пози-

¹⁹ Континенталисть. 2020, 18 мая.

²⁰ Континенталисть. 2020, 27 апреля.

²¹ Newsbot.press. 2020, 16 марта.

²² Russia24.pro. 2020, 18 апреля.

ции говорящего (*ковидоидиоты, коронаидиоты, ковидоидиёты* и самое распространенное, интернациональное *ковидиоты* (< англ. *covidiot*).

Встречаются и менее экспрессивные обозначения, содержащие рассматриваемую сему, – напр. слово *карантинологика*, иронично обозначающее отсутствие того, что выражено одним из производящих слов (*логика*). Неожиданная сочетаемость производящих основ в этом окказионализме, тем не менее, оказалась возможной: так передается восприятие непоследовательного, противоречивого характера ряда мер, введенных в марте 2020 года в связи с пандемией.

В то же время в отсутствии здравого смысла, если вспомнить ситуацию введения режима ограничения весной 2020 года, обвиняли нередко самих ковид-диссидентов, антимасочников и других ковид-скептиков, подвергающих и себя, и окружающих смертельной опасности из-за отказа выполнять элементарные эпидтребования. Окказионализм *антикорона-безумцы* ‘о корона-скептиках’ относится именно к этому, направленному против ковид-диссидентства дискурсу. Следует отметить также, что словом *ковидиоты* обозначали представителей обоих противоположных «лагерей» того времени: и тех, кто послушно выполнял все необходимые в условиях пандемии меры защиты и поддерживал режим ограничений, и тех, кто отказывался следовать любым требованиям борьбы с коронавирусной инфекцией. То есть слово оказалось в лексиконе и ковид-диссидентов, и ковид-верующих.

Сему (12) ‘**неопределенность**’ мы выделили в таких новообразованиях, как *недокарантин, полукарантин* (ТП 4.1), *карантин-качели, ковид-неопределенность* (ТП 4.3), *недоковид* и *недокоронавирус* ‘о болезни, не подтвержденной тестом’ (ТП 1.2). Эта же сема реализуется в развернутых номинациях *антиковидно-кризисная неопределенность* и *недокарантинные меры* (ТП 4.1). Средствами выражения семы являются: префикс *недо-* (в составе слова *недокарантин* он подчеркивает идею о том, что введенный в связи с пандемией режим ограничений, получивший неофициальное название *карантин*, по сути таковым не являлся, что широко обсуждалось в период с марта по июнь 2020 года); префиксоид *полу-* (выражают ту же идею – см. *полукарантин*); производящие слова (в составе композитов) – *качели* (*перен.* – о каком-л. неустойчивом жизненном положении или нестабильной, меняющейся ситуации), и *неопределенность* (название самой семы). Среди игровых номинаций выделяются *карантикулы* и *короникулы* – гибридный характер этих слов изоморфен обозначаемому, а именно гибриднему характеру режима самоизоляции, сочетающего и карантинные меры, и отдых наподобие каникул. См. также: *карантин-который-некарантин, гибридный карантин*.

Можно заметить, что в номинациях, реализующих данную смысловую доминанту, отсутствует резкая негативная оценочность, речевая агрессия, что присуще новообразованиям некоторых рассмотренных выше групп (например, с семами 1, 3). И даже номинация *режим ХЗ* (о том же периоде ограничений) воспринимается как остроумная шутка, включающая аббревиатуру – «эмблему воинствующего агностицизма»²³, в сетевой культуре давно уже ставшую мемом.

²³ Пелевин В.О. Числа. СПб. : Азбука, 2017. С. 30.

Заключение

Для завершающих выводов значение имеет как сам состав выявленных сем (все они отражают реакцию неприятия ситуации, ее интерпретацию и оценку с позиции отрицания), так и данные о самых частотных семантических доминантах, позволяющие представить, какие настроения преобладали в российском обществе в ковидный период. Однако не следует исключать, что негативные идеи и эмоции, отразившиеся и в «ковид»-лексике, отчасти вызывали и поддерживали сами СМИ, обычной практикой которых в последние десятилетия стало, к сожалению, пристальное внимание именно к плохим новостям, их муссирование и тиражирование. В случае с ковидом плохие новости были обеспечены представителям СМИ ежедневно. В то же время среди многочисленных тревожных, пугающих и нередко противоречивых сообщений выделялся позитивный дискурс – здоровый народный юмор, проявившийся в том числе во множестве шуточных, остроумных номинаций, отражающих новые реалии и условия жизни человека (*безЗУМие, тележка апокалипсиса, набор паникера* и др.).

В целом проведенное исследование выявляет специфику функционирования языка в кризисный период в жизни общества. С одной стороны, актуализируется процесс номинирования наиболее актуальных понятий и реалий, заметен рост как узуальных, так и окказиональных новообразований; с другой – активизируется интерпретирующая функция языка, отвечающая за осмысление и осознание происходящего. В потоке лексических новаций выражаемые ими наиболее актуальные смыслы становятся способом, формой языкового кодирования действительности. Поскольку этот процесс имеет национальную специфику, в дальнейшем представляется целесообразным определить состав сквозных семантических доминант на материале новых слов других языков, а также сопоставить полученные результаты с результатами подобных исследований, проведенных по итогам неологического процесса последующего периода – периода вакцинации и жизни по QR-коду.

Список литературы

- Балашова Л.В.* Милитарная метафора как способ формирования концепта COVID-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. Тематический выпуск. Язык и коммуникация. 2020. Т. 7. № 4. С. 777–800. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).777-800](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800)
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
- Геккина Е.Н., Кожневников А.Ю.* Тенденции лексического обновления в отражении «коронавирусных» слов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3. С. 95–108. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-7>
- Громенко Е.С., Павлова А.С., Приёмшьева М.Н.* О «ковидно-коронавирусных» процессах в русском языке 2020 года // *Studia Slavica Hung.* 2020. № 65 (1). <https://doi.org/10.1556/0602020.0005>
- Дяглева И.Б.* Исторические параллели : от холеры ХХI века к коронабесию // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 307–321.
- Зеленин А.В., Буцева Т.Н.* Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименований лиц в период пандемии коронавируса // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 1. С. 74–85. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85>

- Козловская Н.В. Военная метафора в медиадискурсе коронавирусной эпохи : от слова к тексту // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 224–234.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Пандемийный год : ракурсы картины мира в зеркале словаря // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 214–223.
- Маринова Е.В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 322–337.
- Маринова Е.В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами : от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М. : Ленанд, 2022. 304 с.
- Минеева З.И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 166–176.
- Поляков Д.К. Чешские коронавирусные неологизмы на фоне русских : номинативный и словообразовательный аспекты // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 508–523.
- Ридецкая Ю.С. Суффиксоиды пандемийного времени : семантика, переходные морфемные явления // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 378–387.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.
- Янурик С. Неологизмы коронавирусной эпохи в русском и венгерском языках (сопоставительный аспект) // Новые слова и словари новых слов 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 210–219.
- Alyeksyeyeva L.O., Chaiuk T.A., Galitska E.A. Coronaspeak as a key to coronaculture: studying new cultural through neologisms // International Journal of English Linguistic. 2020. Vol. 10. No 6. Pp. 202–212. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n6p202>
- Belhaj S. La pandémie Covid-19 et l'émergence d'un nouveau technolècte // Revue Langues, cultures et sociétés. 2020. Vol. 6. No. 1. Pp. 28–38. <https://doi.org/10.48384/IMIST.PRSM/lcs-v6i1.21528>
- Cierpich-Kozieł A. Koronarzewczość – o nowych złożeniach z członem korona- w dobie pandemii // Język Polski. 2020. No. 7. S. 102–117. <https://doi.org/10.31286/JP.100.4.7>
- Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. War metaphors in public discourse // Metaphor and Symbol. 2018. Vol. 33. Issue 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/10926488.2018.1407992>
- Kosmalska W. Język w czasie epidemii, epidemia w języku // Polonistyka. Innowacje. 2020. No. 12. S. 209–220. <https://doi.org/10.14746/pi.2020.12.13>
- Kuligowska K. Język w czasie zarazy. O wliwie pandemii na system leksikalny języka polskiego i rosyjskiego // Acta Polono-Ruthenica. 2020. No. XXV/3. S. 109–125. <https://doi.org/10.31648/apr.5893>
- Wolfer S., Koplening A., Michaelis F., Müller-Spitzer C. Tracking and analyzing recent development in German-language online press in the face of the coronavirus crisis // International Journal of Corpus Linguistics. 2020. No. 25. Pp. 347–359. <https://doi.org/10.1075/ijcl.20078.wol>

Сведения об авторе:

Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. *Сфера научных интересов*: социолингвистика, неология, теория языковых изменений, лексикология и лексикография. Автор более 250 научных работ. ORCID: 0000-0003-3860-5606. E-mail: marinova@list.ru

Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language

Elena V. Marinova

*Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31A Minina St, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation*

✉ marinova@list.ru

Abstract. The relevance of the research is explained by the insufficient studying of the phenomenon of repeating semes in neologisms of a certain time period in the aspect of the interpretative function of language. The purpose of the study is to analyze the semes in the semantic structure of the neologisms of the coronavirus era and to characterize the part of linguistic worldview in the crisis period. The research material included occasional words recorded in Russian media and thematically connected with one theme – the 2020 pandemic. The source of the research is “The Dictionary of Russian Language of Coronavirus Epoch.” The research was conducted within the framework of sociolinguistics with the method of componential analysis of semantics, word-building and context analyzes. In the process of the research, the thematic subgroups were identified; in each subgroup, the occasional nominations were revealed; the means of evaluation were determined (some productive bases – for compounds; word-building formants – for affixal derivatives), and a general interpretive seme was determined (based on the contextual meaning). Finally, the total number of the words connected with a semantic dominant was determined. These data are presented in the summary table which demonstrates the percentage of representation, and hence the degree of significance of each dominant in the process of language coding of reality. As a result of the study, the semantic dominants uniting the occasional words of different authors and demonstrating the typical assessments of COVID-19 are revealed; the degree of frequency of semantic dominants is determined. The novelty of the research is explained by the specifics of the conducted semantic analysis: for the first time, common semes reflecting the peculiarities of the emotional and mental state of the society are revealed on a significant homogeneous array of word-building derivatives.

Keywords: mass word creation, semantic dominants, neologisms, interpretive function, language, language coding, linguistic worldview, crisis period, Russian language

Article history: received 16.01.2022; accepted 18.04.2022.

For citation: Marinova, E.V. (2022). Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(4), 449–466. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466>